
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

УДК 321:32.01
ББК 66.03+66.04

DOI 10.22394/1682-2358-2018-1-113-123

V.M. Dolgov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Political Sciences Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

T.V. Biryulina, Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Political Sciences Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

DEMOCRACY, ELITES AND NATIONAL INTERESTS

Modern ideas about democracy, as well as social conditions of its distribution in the world community are considered. The structure of political elites and the relation of their different groups to democratic values, institutions, technologies and traditions are analyzed. The political significance of national interests regarding democratic values and priorities for their provision in the political strategies of states is assessed.

Key words and word-combinations: democracy, security, political elites, national interests, public administration.

В.М. Долгов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: kafpolitology@piuis.ru)

Т.В. Бирюлина, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: TVDB2008@yandex.ru)

ДЕМОКРАТИЯ, ЭЛИТЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Аннотация. Рассматриваются современные представления о демократии, общественные условия ее распространения в мировом сообществе. Анализируются структура политических элит и отношение их разных групп к демократическим ценностям, институтам, технологиям и традициям. Оценивается политическое значение национальных интересов в контексте демократических ценностей и приоритеты их обеспечения в политических стратегиях государств.

Ключевые слова и словосочетания: демократия, безопасность, политические элиты, национальные интересы, государственное управление.

Поиск наиболее эффективных форм государственного управления волновал человечество на протяжении всей его истории.

Люди перепробовали множество вариантов — от жесткого единовластия до коллективного исполнения властных функций. Несколько уровней монархии и несколько видов республики перемежались разнообразными промежуточными формами. Всякий раз конкретная форма определялась не только общественными условиями и историческими традициями, но и интересами основных носителей власти: вождей, семей, элит, классов, народа. Вместе с расширением социальных основ власти росло ее представительское содержание. Вершиной такой политической динамики является прямая демократия, которая в настоящее время все чаще подменяется демократией представительной и даже «управляемой». Все это вполне созвучно социальному, идейному, информационно-коммуникационному развитию современного общества.

Несмотря на то что традиции народов в сфере государственного управления разнообразны и современные общественные условия в разных странах сильно отличаются, в большинстве стран восприятие демократии безусловно положительное. Однако единого подхода к ее использованию в мире нет. Видится несколько объяснений такого положения. Во-первых, цивилизационный фактор. Идея, теория, а затем и практика демократического устройства государства и общественно-политических отношений как традиция родилась и утвердилась в пространстве Западной Европы, ее особенных экономических, социальных, культурных, религиозных, территориальных общественных условиях, которых нигде больше не было. Однако сегодня Западная Европа в масштабе планеты это около 3% территории, менее 7% населения. В прошлом население могло составлять чуть больший процент; территория, естественно, всегда оставалась неизменной величиной. Конечно, Европа оказала на весь мир сильнейшее воздействие, но не настолько решающее, чтобы распространить европейскую модель общества и государства на страны с совершенно иными условиями и традициями. Именно поэтому в настоящее время многие страны Азии, Южной Америки, Африки принимают демократию, но идут в ее реализации своим путем, не дублируя европейскую, западную модель. Формируются национальные модели демократической системы государственного управления. В России 2000-х годов в связи с этим возник термин «суверенной демократии» [1], и в таком названии существует практическая логика.

Во-вторых, теоретический фактор в виде различных трактовок самого понятия демократии. Общеизвестное с древнегреческих времен выражение «власть народа» — весьма расплывчатое по содержанию, трудно применимое к современному разнообразию «народов» и возможностей осуществления ими власти, тем более что в условиях государства «народовластие» не может быть буквальным, ибо тогда, зачем государство. «Правление народа» в масштабе государства, конечно, условно. Более практический характер имеет понимание демократии как формы организационного устройства, основанной на равноправии участников, и как общественного движения за достижение демократических идеалов. Особенная притягательная сила демократии на

протяжении многих веков обеспечивается ее сущностным содержанием, которое включает ценности свободы, равенства, верховенства закона, защиты прав граждан, выборности власти. В этом смысле демократия воспринимается как идеальный регулятор жизни общества, взаимоотношений человека и государства.

Однако демократия стоит немалых денег, и ее возвышенные ценности в бедных странах реализуются с трудом. Крупные европейские страны — Великобритания, Бельгия, Испания, Италия, Португалия, Франция в разные века имели колонии. За счет прямой эксплуатации народов Азии и Африки они в значительной степени обеспечивали свое индустриальное развитие и социальное благополучие, необходимые для внедрения демократических норм и ценностей жизни. Примерно такой же путь прошли и США, которые и в настоящее время поддерживают высокий уровень жизни населения во многом за счет экономического использования других народов. Весьма показательны: в 1920-е годы, когда разоренная Первой мировой войной Европа серьезно обеднела, из европейской демократии вырос европейский фашизм.

Даже краткий анализ понятийного разнообразия демократии позволяет видеть в ней два уровня: идеальный и реальный. Именно так рассматривает данное явление демократии Р. Даль [2], но и само по себе такое деление логично. Привлекательные идеалы демократии возбуждали к борьбе массы людей, но далеко не всегда становились реальными результатами этой борьбы. Практическое осуществление демократии означает соединение в действующей системе демократических ценностей, институтов и технологий. Простая пропаганда ценностей, не подкрепленная механизмами реализации, нередко оборачивается демагогией, политическим популизмом. Наличие демократических институтов также не гарантирует демократизм государственного управления: их функциональность может носить формальный характер. Только господство демократических технологий превращает всю систему в реальную демократию и обеспечивает ее эффективное функционирование. При этом, оценивая значение институтов и технологий, следует иметь в виду, что институты (конституции, государства, парламенты, партии, группы интересов) статичны, а технологии динамичны, и именно характером используемых технологий обеспечивается демократизм того или иного института. Так, советская конституция 1936 г. по своему содержанию была одной из самых демократичных в первой половине XX в., однако советское общество того времени никак нельзя назвать демократическим.

Политические технологии демократического типа строятся и применяются на принципах открытости, конкурентности, равноправия, законности, информированности. Этим принципам должны соответствовать избирательные кампании, участие граждан в принятии решений, контроль общества за деятельностью власти, функционирование механизма разделения властей, право избирателей на отзыв депутатов, внутрипарламентская деятельность. Вряд ли можно быть уверенным, что подобная реализация демократи-

ческих технологий стопроцентно гарантирует идеальную демократию политического управления и общественных отношений, однако политическую основу для этого, несомненно, формирует.

В-третьих, политтехнологический фактор, широко применяемый в современной пропаганде демократии. В этом случае используется ее идеальная модель, культивируемая в общественном сознании разных исторических эпох в качестве ориентира переустройства общества. В некотором смысле демократия выступает здесь в роли религии и даже подменяет ее своими привлекательными перспективами организации земной жизни. Реальные возможности утверждения ее принципов и осуществления идеалов в пропаганде отодвигаются на второй план. Результаты нередко плачевны, а то и трагичны. Россия прошла через подобные коллизии по итогам Октябрьской революции 1917 г., важнейшей идеей которой являлась демократия. Возможно, тогда импортирование в Россию демократической модели развития носило характер искренних, возвышенных желаний обеспечения прогресса. Парадоксально, но факт: в начале 1990-х годов прошлого века в России вновь совершалась революция по утверждению демократии. Сегодня экспорт политических концепций сплошь и рядом оказывается элементом агрессивной внешней политики сильных и влиятельных государств. «Коллективный Запад» под управлением США уже многие годы активно рекламирует и насаждает демократию в разных странах, но почему-то обычно в тех, которые богаты природными ресурсами (бедные проживут и без демократии): Ирак, Ливия, Сирия. Результаты «демократизации» этих стран известны, а мотивы легко просчитываются: под видом свобод для народа захватывается контроль над их богатствами.

Широко известное явление вторичной модернизации на практике означало навязывание странам западной модели общественного устройства. Почти везде этот эксперимент оказался провальным. Вместо рекламируемой демократии происходил слом прежней политической системы, нарушалось эволюционное совершенствование государственной власти, возникал политический хаос, нередко «совершались» и так называемые «бархатные» и «цветные» революции (Грузия, Египет, Тунис, Ливия, Молдова, Киргизия, Украина).

Кстати, нести диктат под вывеской прогресса — явление исторически не новое. Испания и Португалия таким путем «осваивали» Центральную и Южную Америку, США — «дикий Запад» Северной Америки, Великобритания несла «индустриальное общество» в Индию, а вместе с другими европейскими странами проталкивала «цивилизованность» на африканский континент. В реальности везде утверждался колониализм, хотя западные страны считались цивилизованными.

В конце XX в. в науке распространился термин «управляемая демократия». Смысл его в простом толковании по большому счету не соответствует базовым характеристикам понятия демократии. В традиционном понимании «демократия несовместима с опекой сверху, со стороны каких-либо правящих сил» [3], но в современной действительности подобная опека распространена на всех уровнях политического процесса. Идеалы «неограниченной» демократии

утопичны. Даже в условиях прямой демократии она подвергается изменениям, вносимым большинством голосующих. Принципиальным является субъект регулирования, управления: совершенно логично им выступает законодательство. Правовое регулирование демократических процедур и институтов естественно. Регулирование демократического управления в государстве осуществляется на выборах и референдумах, где субъектом выступает общество. Однако управление демократией способна осуществлять и элита страны, и на практике именно такого управления становится все больше. Элитарная демократия — реальность современного общества, и западного, и «восточного», и российского.

Совокупность имеющихся знаний о распространенности и влиянии демократии в современном мире позволяет заявлять о том, что ее ценности привлекают большую часть человечества, но ее институты и технологии не определяют господствующую политику и отношения людей с государством, более того, нередко она используется в интересах одних сил (государств, слоев, групп) против интересов других. Все чаще ценности демократии в реальной политике сталкиваются и даже входят в открытое противоречие с разнонаправленными интересами внутри государств и на мировой арене. Обычно в этом противостоянии побеждают интересы, которые и определяют политический процесс. В юбилейном докладе Римского клуба эта ситуация связывается с кризисом демократии [4], но по нашему мнению, это новая стадия развития человечества, на которой демократии отводится иная роль. Теперь она — не «компас земной», а лишь регулятор общественных отношений, и то лишь до той грани, с которой она может препятствовать реализации интересов преобладающих субъектов влияния. Два с половиной века противостояние демократии с монархией, авторитаризмом, диктатурой характеризовало основное содержание политического процесса на мировом уровне и внутри большинства государств. Теперь на первый план вышло противостояние национальных интересов государств и глобальных интересов мировой финансово-политической элиты. Демократия сохраняется в лексиконе политиков, но вытесняется из самой политики. Идеалы демократии не отвергаются, но уже не являются предметом реальной политической борьбы ни внутри государств, ни в межгосударственных отношениях.

Подтверждением данной оценки относительно внутренней политики служат парламентские и президентские выборы в ряде западных стран в 2016—2017 гг. Д. Трамп победил на выборах в США только за счет возбуждения социальных интересов десятков миллионов «средних» американцев и вопреки созданному его противниками образу авторитарной личности, но еще интереснее, как «демократично» американская элита встретила законно избранного президента. А. Меркель в ФРГ, напротив, потеряла свое прежнее влияние в государстве и Евросоюзе из-за «чрезмерной» заботы о демократии, мультикультурализме, справедливости в проведении миграционной политики. Э. Макрон победил на президентских выборах во Франции только потому, что его поддерживали самые влиятельные круги финансово-промышлен-

ного капитала, для которых демократия — лишь технология управления обществом. На выборах президентов в Австрии, Чехии, Финляндии избиратели голосовали прежде всего за сохранение национальных традиций, государственного суверенитета, обеспечение интересов своих стран в Евросоюзе и мировой политике.

Характер международных отношений еще более показателен. Мировая политика 2000-х годов формально обставляется демократическими принципами международного права, торгово-экономического, рыночного сотрудничества, финансовой помощи. Они провозглашаются в действиях Международного суда, МВФ, ВТО, других организаций планетарного масштаба, но в реальности мировая политика вращается вокруг проблем обеспечения безопасности, контроля над использованием ресурсов, расширения влияния, создания преимуществ в глобальном пространстве. Поэтому закономерно, что ООН, созданная для утверждения демократической политики и правовых отношений между государствами, теряет свой авторитет в мировом сообществе, нередко неспособна направлять международные процессы и события в русло законности. В то же время военно-политический союз НАТО расширяет сферу своего международного участия, как правило, силовыми методами. Натовское регулирование политики не имеет с демократией ничего общего, но нарастает. Лидер и хозяин НАТО США в январе 2018 г. обнародовали новую Стратегию национальной безопасности [5], в которой провозглашаются такие национальные интересы, как обеспечение безопасности и гегемонии США в современном мире за счет военной силы, укрепление экономического превосходства над всеми странами. Это стратегия глобального доминирования США. Бюджет Пентагона, выросший до 700 млрд долларов, распределяется по мероприятиям, направленным не только на новый виток гонки вооружений, но и на прямое расширение военно-политического влияния США в современном мире. По сути, Новая стратегия даже не выдвигает прежние задачи по экспорту и поддержке демократии, а провозглашает курс на экспорт американских интересов и управленческих действий США во всех регионах планеты. В такой международной обстановке маловероятно торжество демократической политики на уровне межгосударственных отношений.

Выдвижение национальных интересов в центр политики естественно: вся планета занята, мир поделен. Любой шаг вперед с чьей-то стороны неизбежно требует чьего-то шага назад, а он может оказаться не только уступкой, но и разрушением, гибелью. Ведь исчезли Советский Союз и Югославия, на грани разрушения Ирак, Ливия, Сирия. Человечество испытывает недостаток многих ресурсов, в первую очередь пресной воды, плодородной почвы, продовольствия, электроэнергии. За обладание имеющимися природными ресурсами борьба уже идет полным ходом и в дальнейшем будет только нарастать и обостряться. Примерно в таком же ключе ведется война за технологические преимущества, поддержание высокого уровня жизни населения, будущее народов и государств. Национальные интересы стали приоритетным мотивом политики.

Все человечество имеет общий интерес: сбережение жизни на земле, сохра-

нение самой планеты, но у каждой страны — собственные национальные интересы. Национальные интересы Российской Федерации отражены в нескольких политических документах: Конституции РФ, Стратегии национальной безопасности РФ, Военной доктрине РФ и других. О национальных интересах говорит Президент России, пишут ученые и публицисты. Разными людьми и группами акценты в их значении расставляются неодинаково. Среди наиболее ответственных интересов: сохранение и укрепление суверенитета страны; сбережение и развитие народа, наращивание его жизненных ресурсов; обеспечение безопасности народа и государства, территориальной целостности страны; укрепление единства и сотрудничества всех наций; существенное повышение уровня жизни населения России; совершенствование демократической системы государственного устройства и общественных отношений.

Осознание этих национальных интересов доступно большинству граждан России. Принципиальной является политическая сторона вопроса: проблема реализации этих интересов в обозримой перспективе. Какая политическая сила способна на это? Современная государственная власть обозначает в своей политике все эти направления национальных интересов, но достигнутые результаты по отдельным из них не равноценны. В обществе существует консолидированное мнение о том, что эффективность государственного управления, средний уровень жизни населения, использование принципа социальной справедливости могут быть значительно выше и результативнее. Ответственность за все это общество, естественно, возлагает на правящую элиту. Однако для современной российской элиты как раз характерно снижение порога политической ответственности. Это подтверждается нескончаемой чередой коррупционных и мошеннических преступлений, масштабы которых измеряются миллиардами рублей и личностями из высших эшелонов государственной власти.

У российской элиты еще один серьезный недостаток: она расколота. Состояние раскола в открытом формате проявилось в период перестройки, резко усилилось в 1990-е годы и к настоящему времени стало традиционным. Политической основой раскола явилась идеология, разные идейные позиции в отношении общественного строя и характера государственной власти. Экономической основой раскола элиты и всего общества оказалась приватизация государственной собственности, проведенная жестоко антинародным, теневым образом, породившая из «ниоткуда» миллиардеров — олигархов. На основе гигантского мошенничества, разгрома государства и обворовывания народа произошел слом нравственности в системе госуправления. Это способствовало развитию взяточничества, откатов, коррупции, клановости, вывозу капиталов и приобретению собственности за рубежом, господству оффшоров, банкротству банков и фирм, теневым бюджетным сделкам.

Анализ отечественных исследований по проблематике элит, осуществленный О.В. Гаман-Голутвиной, дает достаточно полное представление о состоянии так называемой российской элиты [6]. Характерно уже само выделение элит из структуры общества по трем разным основаниям: как социального слоя, функциональной группы и общественного института. Во многом именно

этот фактор позволяет выделять элиты: федеральные и региональные, правящие и оппозиционные, партийные и корпоративные. Существенное добавление к обозначенным группам элит вносят авторы, выделяющие патриотическую и компрадорскую элитные группы. В частности, В.И. Малый и В.В. Гусев пишут: «В настоящее время речь идет о “западничестве”, колониальном характере значительной части российской элиты, отождествляющей себя с развитым миром, а не с Россией» [7, с. 89].

Компрадорские группы существовали в правящем слое государств и в XIX, и в XX вв., но сегодня это явление приобрело новый масштаб. В процессе глобализации сформировалась особая, ранее невозможная наднациональная элита, практически всемирная, объединенная общими или совпадающими интересами, в первую очередь экономическими, но также и политическими, военными. Не преувеличивая степень сплоченности этой элиты, нельзя не видеть ее общей экономической базы (ТНК, ФПГ, банки и фонды мирового уровня), наличия организационных структур и постоянного контактирования на многочисленных международных мероприятиях. Столкновение интересов национальных элит и элиты наднациональной на протяжении последних лет хорошо просматривается на примере Евросоюза. Одновременно с этим очевидны преимущества международной элиты над элитами национального уровня. Неслучайно возникло явление глобальной власти, которую осуществляет именно глобальная элита [8, с. 202]. Какими будут политические последствия такого соотношения, пока спрогнозировать сложно, хотя нарастание рисков для всего человечества при сохранении существующих тенденций неизбежно.

Разнообразие интересов элитных групп объясняет наличие разных подходов элиты к использованию демократии в качестве политического инструментария. Обобщение этих подходов позволяет выделить тенденцию в отношении элиты к демократии — чем выше уровень управления, тем меньше реальной демократии. В межгосударственных отношениях в мировой политике демократические нормы и формы часто являются лишь прикрытием силовой политики, при этом западные пропагандисты, не смущаясь, твердят: демократия превыше всего. На уровне государственной политики элита регулирует демократические механизмы под реализацию своих интересов. Это относится и к правилам избирательного процесса, и к полномочиям институтов власти, и к функционированию структур гражданского общества. Внешне все сохраняется в демократических рамках, но обеспечивает интересы элитарных групп. Прямые и косвенные подтверждения подобной оценки множатся в странах Евросоюза, США, России. Это политическая тенденция.

Трагическое наследие 1990-х годов для России пока не исчерпано, и раскол элиты не преодолен. Линий раскола несколько, но подразделять элиту, как это принято в практике отдельных стран, на правящую и оппозиционную в современных условиях России реального смысла не имеет, ибо оппозиционные группы серьезным политическим влиянием не располагают. Видимые группировки внутри правящего класса России можно очертить следующим образом: прозападная (компрадорская) и пророссийская (патриотическая) группы, сложно оценить, какая из них мощнее. Государственно-бюрократическая и

бизнес-элиты. «Силовики» и «финансисты» в самой госбюрократии, также как либералы и консерваторы, «федералы» и «регионалы» имеют особенные интересы, которые порой совпадают с интересами страны, а порой противоположны им. Между этими группами, по-своему влиятельными, существуют одновременно и борьба, и сотрудничество. Их действия слабо контролируются обществом, в том числе и СМИ. Российская элита даже не расколота — она расщеплена.

Ясно, что, находясь в подобном состоянии, правящий класс не имеет шансов управлять страной эффективно. В некоторой степени ситуацию убергает от кризиса Президент России В.В. Путин. Он является политической фигурой, объединяющей все группы правящего класса, способной не допускать масштабных конфликтов между ними, координировать и направлять общую работу по управлению страной. Вместе с тем В.В. Путин выстроил системные прямые связи с обществом через непосредственное воздействие на разные слои населения. Широкое общение Президента РФ с гражданами, в процессе которого решаются многие проблемы жизни людей и развития страны, стало политической традицией, которой никогда ранее в России не существовало. Эффективность этой формы деятельности В.В. Путина несомненна, к тому же она дает ему дополнительные ресурсы влияния на все группы элиты, обеспечивает большую политическую и моральную самостоятельность в управлении государством. Подобное положение главы государства необходимо для Российской Федерации, как бы оно ни соотносилось с различными формами демократии. Общественное доверие В.В. Путину тем и обусловлено, что именно с ним связываются возможности реализации национальных интересов России и прежде всего сохранения и укрепления суверенитета страны.

Дополнительным фактором этого доверия является кризисное состояние мировой политики, которая все больше отходит от демократических принципов. Демократия — это политика по известным и согласованным правилам. Авторитетный американский историк и политолог С. Коэн в интервью заявил: в современной международной политике нет никаких правил, идет новая «холодная война» [9]. Это заявление весьма категоричное, но с ним следует согласиться, ибо сильные государства все чаще действуют на основе собственных правил, реализуя свои интересы, и не считаясь с установленными международными нормами и правилами. Борьба без правил — не новость, она существовала всю человеческую историю. Однако тогда не «господствовала» демократия, а наше время считается эпохой цивилизованных, то есть демократических, отношений. Тем не менее, как видно, это лишь приятная иллюзия.

В мировой практике все ощутимее проявляется конфликт между демократией и национальными интересами. При нарастании сложных проблем для человечества этот конфликт будет неизбежно усугубляться и расширяться. Демократия и национальные интересы не противостоят друг другу до тех пор, пока способствуют взаимной реализации, пока своей совокупностью обеспечивают развитие общества. Естественно возникающее со-

единение, сочетание демократии и национальных интересов политически означает воплощенность демократии в национальных интересах, ее вписывание в их содержание. Мировая практика свидетельствует о том, что такое соединение способно обеспечивать общественный прогресс, эффективное развитие почти всех сфер жизни людей. Однако при возникновении сильных напряжений для общества (кризисы, конфликты, непредвиденные ситуации, войны) такое соединение теряет эффективность. На смену ему приходит мобилизация, сплочение общества. Мобилизационная политика официально и стихийно ограничивает демократию, возможно, что формируется некая форма «мобилизационной демократии». Она может охватить сферы прав и свобод, безопасности граждан, суверенности государства, независимости СМИ, распределения ресурсов и других. Общество принимает такую «мобилизационную демократию», поскольку понимает ее назначение в борьбе за сохранение национальных интересов. Через подобные ситуации исторического масштаба проходили многие народы Европы, Америки, Азии. Это относится и к США в периоды правления президентов Т. Рузвельта, Р. Рейгана, а также Д. Трампа, когда проявляются элементы «мобилизационной демократии».

Подчинение демократических технологий национальным интересам как раз и характеризует суверенную демократию. Она способствует реализации национальных интересов, которые приобретают абсолютное значение. Во всяком случае, их значение очевидно, и от этого сами они устойчивы, занимают центральное, господствующее место в государственной политике.

Современное положение России вполне вписывается в состояние непредвиденной кризисной ситуации с неопределенными последствиями. Глобальная западная элита явно стремится проводить политику прямого разрушения и подчинения России с целью захвата ее ресурсов. Политика «мягкой» силы соединилась с политикой грубой силы, переводя антироссийскую стратегию из завуалированного в открытый политический курс. Теперь эта политика активно реализуется под напором американских правящих кругов, охватывая важнейшие сферы: экономику, дипломатию, информацию, вооружения, спорт, культуру, политику. Теперь Россия вынуждена вести борьбу за свой суверенитет, а возможно, и за свое существование. Естественно, на первый план в ее политике выходят национальные интересы.

Наилучший вариант для общества, когда демократия представляет собой базовый национальный интерес, когда сочетаются свобода и безопасность, патриотизм и глобализм, равенство и конкуренция, централизм и регионализм, справедливость и богатство. Если же приходится выбирать одно из двух, и по-другому невозможно, что выберет общество? Можно не гадать: выбраны будут суверенитет, безопасность, справедливость, равенство, патриотизм. Именно эти ценности и составляют основное содержание национальных интересов Российской Федерации. Пропагандисты западной модели общественного устройства лицемерно и усиленно распространяют политический тезис об абсолютности демократии и своей приверженности этому абсолюту, но

напомним, что именно западными теоретиками и политиками придуманы многочисленные эпитеты к понятию демократии: прямая, сословная, представительная, элитарная, номенклатурная, электронная, символическая, манипулятивная, управляемая и другие. Какая же при этом возможна абсолютность?! Демократия действительно может и должна быть разной в разных общественных условиях, когда формируются ее конкретные политико-правовые характеристики. Важнейшее место среди этих условий занимают национальные интересы стран и народов.

Библиографический список

1. *Сурков В.* Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию // Эксперт. 2006. № 43.
2. *Даль Р.* О демократии / пер. с англ. М., 2000. С. 32.
3. Политология: энциклопедический словарь. М., 1993. С. 97.
4. Юбилейный доклад Римского клуба. «ComeOn! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/371818>
5. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
6. *Гаман-Голутвина О.В.* Политическая элита // Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, С.В. Патрушева. М., 2018. С. 388–410.
7. *Малый В.И., Гусев В.В.* Политическая и экономическая элита современной России: эволюция и рекрутирование // Вестник Поволжского института управления. 2017. № 4. С. 85–93.
8. *Чернышев А.Г.* Власть как «вечный» двигатель. М., 2018.
9. Историк Стивен Коэн в интервью RT: Полтора года назад началась новая холодная война между США и РФ. URL: <https://russian.rt.com/article/98227>